

Е. Ю. Назаренко

МИСТИЧЕСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА

Статья посвящена выдающемуся государственному деятелю начала XIX в. князю Александру Николаевичу Голицыну (1773–1844). Деятельность А. Н. Голицына характеризуется стремлением воплотить в жизнь программу, идейные истоки которой восходили к розенкрейцерству и западноевропейским мистическим и эсхатологическим доктринам. Особое внимание в статье уделено анализу религиозных взглядов А. Н. Голицына. На конкретных примерах деятельности князя в возглавляемых им учреждениях (Святейший Синод, Российское Библейское Общество, Министерство духовных дел и народного просвещения) показано, как религиозно-философская программа Голицына преломлялась в его практической деятельности и каким образом правительственный мистицизм был связан с разными направлениями общественно-политической мысли — либеральным и консервативным, на основе которых Голицын пытался создать общенациональный консенсус. Отдельно анализируются причины того, что мистико-космополитическая идеология не реализована на практике, а А. Н. Голицын обратил против себя как либеральных просветителей, так и православных консерваторов.

Ключевые слова: Александр Николаевич Голицын, Александр I, мистицизм, мистико-космополитическая идеология, экуменизм, Православие, консерватизм, либерализм, масонство, Российское Библейское Общество, Министерство духовных дел и народного просвещения.

Князь Александр Николаевич Голицын (1773–1844) был одним из наиболее видных государственных деятелей времен Александра I. На протяжении более чем полутора десятилетий князь Голицын занимал важные посты в системе государственного управления: он был обер-прокурором Св. Синода, руководителем Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, министром духовных дел и народного просвещения, президентом Российского Библейского Общества. На пике своего влияния, который пришелся на вторую половину 1810-х – начало 1820-х гг., Голицын контролировал религиозные организации, научные и образовательные учреждения, книгоиздательство и периодическую печать. Это были сферы государственной политики, связанные с контролем над общественным сознанием в различных его проявлениях. Находясь на этих постах, князь Голицын стремился преобразовать российское общество в соответствии с определенной программой действий, в основе которой лежали христианские ценности (в том виде, в каком их понимал сам князь и его соратники).

Князь Александр Николаевич Голицын, представитель обедневшей ветви знатного рода, родился в «самом шумном центре Москвы»¹, на Никольской улице, 8 (19) декабря 1873 г. Его отец, отставной гвардии майор Николай Сергеевич Голицын, умер через три недели после рождения сына. До десяти лет Александр Николаевич жил в родительском доме в Москве и воспитывался своей матерью Александрой Федоровной (в девичестве Дурново). Князь Голицын описывал этот период своей

Евгений Юрьевич Назаренко — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Воронежского областного краеведческого музея (enazarenko.vrn@mail.ru).

¹ Голицын А. Н. Воспоминания : Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. Кн. 2. № 3. С. 369.

жизни очень скупой и неохотной. По его словам, в родительском доме он был «содержан в великом страхе»².

В 1783 г., десяти лет от роду, А. Н. Голицын был принят в Пажеский корпус. Это было привилегированное учебное заведение, где обучались только представители высшей знати, которые готовились пойти «или в гвардейские офицеры, или в придворные кавалеры»³, т. е. войти именно в высшие слои аристократического общества, а не стать управленческой элитой. Отсутствие систематической научной подготовки, а также знаний в области богословия и церковной истории впоследствии стало важным фактором государственной деятельности А. Н. Голицына.

Годы, проведенные в Пажеском корпусе, князь впоследствии вспоминал с куда большей теплотой, нежели время, проведенное в родительском доме. Вскоре после своего зачисления в Пажеский корпус юный Голицын сделался лейб-пажом и прислуживал во время обедов императрицы Екатерины II. Императрица заметила юношу Голицына, который обладал веселым нравом и был одарен «искусством подражать голосу, походке, манерам особ каждого пола и возраста»⁴. У него завязались дружеские отношения с внуком Екатерины, великим князем Александром Павловичем. Лишенный эмоциональной привязанности к отчужденному дому, именно императорскую фамилию Голицын с ранних лет и до конца жизни воспринимал как свою подлинную семью, служение которой он почитал своей первой обязанностью.

В 1794 г., после выхода из Пажеского корпуса, князь был принят поручиком в Преображенский полк, однако вскоре ушел с военной службы и начал деятельность при дворе великого князя Александра Павловича. Придворная карьера А. Н. Голицына успешно продолжалась и в первые годы правления Павла I. Однако затем, в 1799 г., она была прервана. Князь попал в немилость к императору и был отправлен в ссылку в Москву. Причина опалы князя до конца не выяснена, но, судя по всему, ею являлась близость А. Н. Голицына к цесаревичу Александру Павловичу, чьи отношения с отцом, как известно, были весьма непростыми⁵.

Проведя в Москве около двух лет, Голицын возвращается в столицу в 1801 г., после гибели Павла и восшествия на престол своего друга, ставшего императором Александром I. Судя по воспоминаниям самого князя, он не помышлял о чиновничьей карьере, желая «быть безотлучно и проводить с императором каждый день вместе по несколько часов»⁶. Однако Александр I имел другие представления об этом, и в одной из бесед с Голицыным сказал: «Послушай, князь, мне кажется, что тебе неловко быть без публичной должности. Вся петербургская публика знает, как ты у меня короток, а между тем ты все еще и до сих пор не служишь»⁷. Так в 1801 г. Голицын был назначен на должность обер-прокурора Первого Департамента Сената, а вскоре после этого перешел на службу в Третий Департамент. Наконец, в октябре 1803 г. Голицын получает назначение на пост обер-прокурора Св. Синода. Так религиозная политика, доселе мало заботившая молодого князя, оказалась делом его жизни.

В ранний период своей государственной деятельности А. Н. Голицын воспринимался как личная крестовая фигура Александра I, человек, лишенный своей позиции по ключевым вопросам государственного управления. Известный правовед Г. А. Розенкампф утверждал, что А. Н. Голицын «никогда не имел собственного о чем-либо мнения,

² Там же. С. 375.

³ *Стеллецкий Н. С.* Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев, 1900. С. 9.

⁴ Там же. С. 319.

⁵ Подробнее об этом см.: *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб., 2014. С. 15.

⁶ *Голицын А. Н.* Воспоминания... С. 57.

⁷ Цит. по: *Фаджионатто Р.* Александр Николаевич Голицын // *Против течения: исторические портреты русских консерваторов.* Под ред. А. Ю. Минакова. Воронеж, 2005. С. 162.

но схватывал с величайшей готовностью и самым безграничным подражанием воззрения своего повелителя»⁸.

Есть и другая точка зрения относительно мировоззрения молодого Голицына, и озвучил ее сам князь. В своих воспоминаниях он утверждал, что именно в первой половине 1800-х гг. у него были идейные расхождения с друзьями и единомышленниками царя — членами «Негласного комитета», которые «звенели ему (т. е. Александру I. — Е. Н.) бескорытием усердия, философскими утопиями народного управления и апофегмами пользы и добра отечеству; но все это был суший вздор и крушение духа»⁹.

Впрочем, анализ деятельности А. Н. Голицына на ранних порах его управления Св. Синодом свидетельствует скорее о правоте Розенкампа. На посту обер-прокурора Синода Голицын предстает перед нами как весьма эффективный руководитель, но действовавший строго в рамках господствовавшего дискурса, создателями которого и были его «идеологические противники» из «Негласного комитета». Их программа предполагала масштабное переустройство системы государственного управления Российской империи на рациональных основаниях. В полном соответствии с этими представлениями Голицын проводил преобразования, связанные с усилением контроля государственного аппарата над церковными делами, подчиняя себе и консистории, и епархиальные власти¹⁰.

Впрочем, о политических взглядах молодого Голицына нам известно немного, и здесь мы можем лишь выдвигать гипотезы. С его религиозными взглядами дело обстоит более радостно, поскольку князь сам в своих воспоминаниях подробно описал их эволюцию.

Говоря о развитии своего религиозного мировоззрения, Голицын воспроизвел традиционную для агиографической литературы схему — закоренелый грешник становится истинным христианином. Князь вспоминал, как в молодые годы вел разгульный образ жизни светского гаера, склонного к веселым проказам, гедонизму и религиозному вольнодумству. В то же время, судя по свидетельству племянника Александра Николаевича князя Н. С. Голицына, находясь в московской ссылке, он общался с митрополитом Московским Платоном (Левшиным)¹¹, что позволяет нам выдвинуть предположение: реальный духовный путь молодого Голицына несколько сложнее той схемы, которую он впоследствии воспроизвел.

Признаком внутренних противоречий, раздиравших душу Голицына, было то, что после назначения на пост обер-прокурора Синода он мучительно переживал несоответствие между занимаемой им должностью и своим образом жизни. Князь вспоминал: «Иногда в чаду молодого разгулья, в тесном кругу тогдашних прелестниц..., мне очень тогда казалось забавно, что эти продажные фрейлины никак не ображались, что у них на этот раз гостит обер-прокурор святейшего синода»¹². Вскоре, однако, общение с представителями духовенства, чтение Библии и материалов Вселенских Соборов принесло плоды. Под влиянием этого с середины 1800-х гг. он пытался изменить свой образ жизни и отказаться от светских увеселений.

Процессы формирования религиозной идентичности Голицына совпали с изменением его роли в системе управления Российским государством: из безликого исполнителя он превращался в самостоятельного государственного деятеля. В 1808 г. он стал членом Главного правления училищ (по мнению Ю. Е. Кондакова, фактически возглавил этот орган), в 1810 г. — руководителем Главного управления духовных

⁸ Цит. по: Вишленкова Е. А. «Заботясь о душах подданных...»: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 174.

⁹ Голицын А. Н. Воспоминания... С. 71.

¹⁰ Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб, 2003. С. 146–152.

¹¹ Голицын Н. С. Загробные записки князя Н. С. Голицына из сказаний дяди его, Александра Николаевича // Русский Архив, 1905. № 12. С. 78–86.

¹² Голицын А. Н. Воспоминания... С. 76.

дел иностранных исповеданий, в том же году — членом Государственного Совета. На одном из заседаний этого органа А. Н. Голицын вступил в публичную конфронтацию с М. М. Сперанским, тем самым впервые обозначив свои взгляды, отличные от либерального секуляризма. А. Н. Голицын выступил против одного из положений разрабатывавшегося М. М. Сперанским Гражданского уложения, согласно которому заключение и расторжение браков выводилось из сферы компетенции церкви. По словам князя, Сперанский совсем не учел того, что «брак есть таинство»¹³.

После этого Голицын сблизился с противниками знаменитого реформатора, в частности, с представителями консервативного масонства, которые оказали решающее влияние на его мировоззрение. Князь подружился с членом Государственного Совета Р. А. Кошелевым, который являлся масоном розенкрейцерского направления, близко знавшим многих российских и европейских мистиков. Он ввел князя в «Авиньонское общество» — парамасонский кружок, руководителем которого был А. А. Ленивец.

Под руководством своих новых наставников князь с головой погрузился в чтение мистической литературы, под ее воздействием «начал постигать, что в многообразии мира наружного скрывается еще более многообразный мир внутренний»¹⁴. Под влиянием этого чтения к 1812 г. религиозные взгляды князя окончательно сформировались и впоследствии практически не менялись.

Религиозное мировоззрение А. Н. Голицына мы именуем «мистическим». В религиоведении под мистицизмом обыкновенно понимается комплекс представлений о существовании трансцендентной реальности и о возможности ее сверхчувственного познания. Все религиозные системы включают в себя мистический компонент, который был силен и в православии. Выдающийся православный богослов В. Н. Лосский писал об этом, что «...восточное предание никогда не проводило резкого различия между ... личным опытом познания Божественных тайн и догматами, утвержденными Церковью»¹⁵.

Однако А. Н. Голицын был оторван от православной духовной традиции, о чем сохранился ряд свидетельств¹⁶. Поэтому неудивительно, что князь, который первоначально под влиянием духовенства пришел к православной вере, впоследствии от нее отошел, предпочтя ориентироваться на более близкие для него европейские культурные образцы.

Несмотря на то что никаких следов членства Голицына в масонских ложах доселе обнаружить не удалось, его мировосприятие было сформировано масонской, а точнее, розенкрейцерской традицией, которая вобрала в себя многие элементы, так или иначе связанные с мистическим путем богопознания. Среди авторов, которые изучались Голицыным, были и представители мистического направления в католицизме — квиетизма (Ф. Фенелон, Ж. Гюйон), и протестанты (К. Эккартсгаузен, И.-Г. Юнг-Штиллинг).

Как видим, Голицына привлекали носители маргинальной религиозности, которая находилась за пределами официальных церковных традиций, отношение к которым было у князя прохладным. Он был сторонником популярной в масонской среде теории т. н. «внешней и внутренней церковей». Вслед за другими носителями этой теории князь считал, что есть «два разных человека в одном: внутренний и внешний, существенно разнствующиe один от другого, кои однако ... вместе составляют целого и полного человека»¹⁷. Двум человеческим природам соответствуют две церкви — «внешняя», т. е. традиционные религиозные организации, и «внутренняя», представляющая собой совокупность людей, объединенных в некий мистический союз во Христе.

¹³ Там же. С. 71.

¹⁴ Там же. С. 89.

¹⁵ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004. С. 13.

¹⁶ См.: Стурдза А. С. О судьбе православной церкви русской в царствование Императора Александра I // Русская старина. 1876. Т. 15. № 2. С. 89.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 203. Д. 13. Л. 39.

Поскольку официальные религиозные организации в соответствии с этой системой ценностей были второстепенны, Голицын считал носителями подлинного христианского духа религиозных мыслителей харизматического типа. Так, князь в течение нескольких лет посещал проходившие в Михайловском замке Санкт-Петербурга собрания секты Е. Ф. Татариновой, на которых практиковались обряды, предполагавшие введение участников действия в экстатическое состояние¹⁸.

Другим следствием концепции «внешней и внутренней церквей» был экуменизм. А. Н. Голицын считал, что догматические различия между разными направлениями христианства не касаются подлинной сути христианского учения. Вместе с тем отметим, что князь не отрицал необходимость существования внешних церквей, утверждая, что, «пока мы живем на земле и облечены во внешнюю оболочку, мы должны принадлежать наружно к одной из христианских церквей до тех пор, пока у нас не будет пастыря и мы не составим одно стадо»¹⁹.

Важный фактор, определявший впоследствии религиозную политику князя Голицына — его мировоззрение было предельно эсхатологично. Князь полагал, что живет в переломную эпоху, когда борьба добра со злом «делается всеобщей»²⁰, и не за горами то время, когда «оболочка, прикрывающая добро и зло, исчезнет и ... тогда надо ждать Разделителя, т. е. Христа, для торжества добра»²¹. Эти идеи были почерпнуты им из трудов И.-Г. Юнга-Штиллинга, который считал, что апокалиптические пророчества сбудутся в период между 1816 и 1836 г., после чего на земле наступит тысячелетнее Царство Божие²². Эсхатологизм определял для князя Голицына «образ будущего» и пути движения к нему.

Вышеизложенные идеи в начале XIX в. были весьма распространены в масонской среде. В отличие от большинства своих единомышленников, А. Н. Голицын обладал достаточным административным влиянием для того, чтобы проецировать свои религиозные взгляды в социально-политическую плоскость. Такая возможность появилась у Голицына после того, как в 1812 г. его единомышленником стал сам император Александр I.

Существуют разные точки зрения на то, кто стал основным «виновником» «обращения» российского императора в «мистическую веру». Впоследствии Голицын приписывал эту заслугу себе и Р. А. Кошелеву. Сам Александр I, по некоторым сведениям, также связывал перемену в своих взглядах с влиянием князя²³. Мировоззренческий перелом в сознании Александра Павловича произошел в драматический период, когда наполеоновские войска в летние месяцы 1812 г. все ближе подступали к Москве. После того, как Наполеон был вынужден покинуть Москву и начал свое отступление, Александр I окончательно утверждается в представлениях о провиденциальном характере истории. После этого Голицын получил возможность широкого воплощения в жизнь мистико-экуменических идеалов.

Процесс превращения мистицизма в государственную идеологию первоначально внедрялся силами общественных организаций, основным из которых было созданное в начале 1813 г. Санкт-Петербургское Библейское Общество — филиал основанной в 1804 г. английскими методистами British and Foreign Bible Society. Библейское Общество было миссионерской организацией, занимавшейся пропагандой христианской веры путем перевода Библии на разные языки и ее распространения по всему миру. Когда в 1812 г. британские активисты библейского дела обратились к А. Н. Голицыну с просьбой принять их под свою опеку, князь с энтузиазмом откликнулся на это

¹⁸ См.: Дубовин Н. Ф. Наши мистики-сектанты. Е. Ф. Татаринова и А. П. Дубовицкий // Русская старина. 1895. №№ 10, 11, 12; 1896. №№ 1, 2.

¹⁹ Голицын А. Н. Письма к различным лицам // Русский архив. 1905. Кн. 3. С. 369.

²⁰ Там же. С. 398.

²¹ Там же.

²² См.: Юнг-Штилинг И. Г. Победная Повесть. СПб., 1815.

²³ Грелль де Мобийе Э. Записки квакера о пребывании в России (1818–1819 гг.) // Русская старина. 1874. Т. 9. № 1. С. 18.

предложение. Уже 11 января 1813 г. с позволения императора прошло первое собрание Общества, на котором князь был избран его президентом²⁴.

А. Н. Голицына привлек надконфессиональный характер Библейского Общества. Князь использовал его для создания альтернативной официальным церковным организациям структурно оформленной «внутренней церкви». Начиная с 1814 г. православные, католические и протестантские духовные лица занимали в Библейском Обществе руководящие должности, сидели за одним столом, обсуждая вопросы, связанные с распространением в стране Священного Писания. В этом смысле Библейское Общество явилось предшественником возникших в XX в. экуменических организаций. Отметим, что за короткий срок Обществу удалось наладить издание и распространение Библии на десятках языков народов России и зарубежья²⁵.

Среди деятелей Библейского Общества наиболее влиятельными и активными стали розенкрейцеры, такие как А. Ф. Лабзин, З. Я. Карнеев и М. И. Невзоров. Наиболее активной фигурой здесь был А. Ф. Лабзин. Именно он перевел и издал сочинения К. Эккертгаузена, И.-Г. Юнга-Штиллинга, Ж. Гюйон и других религиозных деятелей Европы²⁶. А. Н. Голицын навязывал эти издания епархиальным архиереям, которые вынуждены были выписывать эту литературу в большом количестве²⁷. Таким образом, А. Н. Голицын, вопреки принципам Библейского Общества, продвигал вполне определенный тип христианской религиозности, пусть и не связанный ни с какой определенной конфессией.

В то время, когда А. Н. Голицын совершал первые шаги по практической реализации мистико-космополитической идеологии в России, судьбоносные события происходили в Европе. С 1813 по 1815 гг. Александр I находился в европейских странах. В эти годы российский император общался с европейскими мистиками — И.-Г. Юнг-Штилингом, баронессой В.-Ю. фон Крюденер и др. Под их влиянием он укрепился в своем незадолго до этого приобретенном мистическом эсхатологизме. Вследствие этого российский император инициировал создание в сентябре 1815 г. Священного Союза европейских монархов, в который, помимо России, вошли Австрия и Пруссия.

Договор о создании Священного Союза пронизан духом христианского экуменического братства. Победа над Наполеоном, согласно его тексту, произошла «вследствие благодеяний, которые Божию Провидению было угодно излиять на Государства, коих Правительства возложили свою надежду и упование на единого Бога», поэтому отношения между государствами Священного Союза необходимо «подчинить высоким истинам, внушаемым вечным Законом Бога Спасителя»²⁸. Александр I считал договор о Священном Союзе документом, открывающим принципиально новый и последний период в истории человечества. Так же думал и Голицын, писавший императору: «Сей акт нельзя не признать иначе как предуготовленным к тому обещанному царствию Господа на земле, которое будет яко на небеси»²⁹.

Создание Священного Союза способствовало окончательной трансформации внеконфессионального мистицизма в господствующую идеологию Российской империи. В том же 1815 г. Санкт-Петербургское Библейское Общество было переименовано в Российское, что свидетельствовало о том, что оно стало восприниматься как общенациональное дело. А в 1816 г. был начат наиболее масштабный проект, связанный с деятельностью Общества, — перевод Библии на русский язык, чему доселе мешал традиционный для России взгляд на священные тексты, согласно которому сакральным является не только их содержание, но и сам церковнославянский текст, изменения в котором воспринимались многими как кощунство.

²⁴ См.: Голицын А. Н. Проект об учреждении Санкт-Петербургского Библейского Общества. СПб, 1812.

²⁵ См.: Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000.

²⁶ Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты... С. 118.

²⁷ Гермоген (Добронравин), еп. Российское Библейское Общество. СПб., 1869. С. 6.

²⁸ Трактат Братского христианского союза. ПСЗ в 45 т. Т. 33. СПб., 1830. С. 279–280.

²⁹ Голицын А. Н. Письма к различным лицам// Русский архив. 1905. Кн. 3. С. 54.

Между тем, среди православного духовенства были деятели, считавшие, что русский перевод Библии давно назрел. Лидером этой группы, которую исследователь М. Л. Майофис называет «реформистской»³⁰, был протезе А. Н. Голицына, ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов). Он объединял вокруг себя преподававших в Академии церковных ученых, таких как протоиерей Г. П. Павский и архимандрит Григорий (Постников). Эти представители духовенства полагали, что для противодействия надвигающейся секуляризации необходимо усилить миссионерскую и катехизаторскую деятельность. Библия на малопонятном для основной массы населения языке была серьезным препятствием для решения этих задач. Подобные взгляды давали православным реформистам возможность деятельного участия в работе Библейского Общества.

В 1816 г. Александр I поставил перед Библейским Обществом задачу перевода Священного Писания на русский язык. А. Н. Голицын поручил эту работу Санкт-Петербургской духовной академии. Архимандрит Филарет с энтузиазмом взялся за дело и привлек к участию в нем лучшие академические кадры. Уже к 1817 г. работа по переводу Евангелия была окончена, а в 1818 г. были переведены апостольские Деяния и Послания³¹. Работа над переводом Библии успешно продолжалась и в дальнейшем.

Библейское Общество было, однако же, общественной организацией. Для того, чтобы мистико-космополитическая идеология окончательно закрепилась в качестве господствующей, необходимо было ее внедрение в государственный аппарат. С этой целью в октябре 1817 г. было создано Министерство духовных дел и народного просвещения (также называемое двойным, или «сугубым», министерством), которое возглавил князь А. Н. Голицын. Оно делилось на два департамента — духовных дел и народного просвещения соответственно.

Департамент духовных дел «сугубого» министерства, в свою очередь, был разделен на четыре отделения: православное, католическое, протестантское и инославных исповеданий. В подчинении у департамента духовных дел находились традиционные органы управления конфессиями: Св. Синод, Римско-Католическая духовная коллегия, юстиц-коллегия Лифляндских и Эстляндских дел и другие, которые находились в одинаковом между собой положении по отношению к «сугубому» министерству³². Это дает нам основания утверждать, что с 1817 г. все официально признанные христианские конфессии Российской империи (в том числе и православие) были уравнены между собой, во всяком случае, с юридической точки зрения.

Дореволюционный исследователь Ф. В. Благовидов вполне обоснованно видел в создании «сугубого» министерства продолжение тенденций первого десятилетия alexandrovского царствования, направленных на подчинение управления конфессиями общим правилам³³. Подобная преємственность объясняется общностью взглядов либералов и мистиков на природу государственно-церковных отношений. Представители обоих вышеуказанных направлений полагали, что догматические различия между направлениями христианства не должны быть существенным фактором религиозной политики государства.

Правой рукой А. Н. Голицына в определении религиозной политики был А. И. Тургенев — человек с европейским образованием и умеренно-либеральными взглядами. Он возглавил департамент духовных дел «сугубого» министерства, а сотрудниками департамента были, по большей части, его единомышленники. Именно к этим людям А. Н. Голицын прислушивался при определении своей религиозной политики. Они внедряли политику либерализации конфессиональных отношений. В качестве небольшого образчика таковой приведем тот факт, что в 1819 г. было

³⁰ Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 459.

³¹ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. Спб., 1899. С. 26–28.

³² РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Ед. хр. 460. Л. 20 об.

³³ Благовидов Ф. В. Обер-прокуроры Св. Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань, 1898. С. 353.

разрешено крестить в лютеранство детей, родившихся в Финляндии и Лифляндии в смешанных православно-лютеранских семьях³⁴.

Православная политика А. Н. Голицына была полна уступок и компромиссов. Так, делая замечания к проекту «сугубого» министерства, князь отмечал некорректность следующей формулировки: «в министерство духовных дел и народного просвещения входили бы и дела по греко-российскому исповеданию»³⁵. Будущий министр настаивал: «сие сказано слишком генерально»³⁶ и «обстоятельство сие необходимо следует изложить с надлежащею ясностию..., дабы не подать поводу к неправильному заключению, что будто бы Святейший Синод подчиняется министру духовных дел»³⁷. Любопытно, что, как показал в своих исследованиях Ю. Е. Кондаков, Голицын действительно крайне редко вмешивался в деятельность Синода и почти никогда не пытался отменить принятые им решения³⁸.

В то же время, по отношению к православной общественности А. Н. Голицын применял и репрессивную стратегию, в которой проявлялись естественные ограничения его религиозного либерализма. Как писала Е. А. Вишленкова, «ставя цель объединить человечество в лоне «истинного» христианства, мистики настаивали на том, что каждая церковь должна отрешиться от всего, что ведет к религиозной розни — конфессионального богословия, обрядовых споров, миссионерства, прозелитизма»³⁹. В связи с этим защита представителями разных конфессий основ их собственных вероучений, а тем более, критика правительственного мистицизма, мягко говоря, не поощрялись.

Между тем, в среде православного духовенства и мирян существовала группа, которая не желала идти с мистиками ни на какие компромиссы. Представители этой группы воспринимали православие как основу культурного и цивилизационного кода России. Их отличало резкое неприятие европейских форм духовной жизни, и в первую очередь западного мистицизма. Это объединение единомышленников в историографии известно как «православная оппозиция».

Среди активных деятелей «православной оппозиции» были литераторы-архаисты из круга А. С. Шишкова. В 1817 г. литератор Е. И. Станевич написал книгу «Беседа на гробе младенца о бессмертии души», в котором с православно-консервативных позиций раскритиковал мистический проект. Он писал: «Под словом мистика я разумею то лжеучение, которое, превращая Священное Писание в иносказательный духовный и таинственный смысл, старается затемнить истинный разум оно и испровергнуть Веру и Церковь»⁴⁰. Этими словами Станевич, а в его лице и вся группа «православной оппозиции», бросала открытый вызов могущественному министру духовных дел. Книга была направлена в петербургскую духовную цензуру и попала в руки цензора, симпатизировавшего православным традиционалистам, архимандрита Иннокентия (Смирнова), который дал добро на издание этого произведения. Выход в свет этой книги вызвал гнев А. Н. Голицына, который писал о том, что Е. И. Станевич совершенно напрасно «судит, кто более прав, Святой Иоанн Златоуст или святой Августин, и отдает преимущество Златоусту потому только, что он Восточной церкви, хоть в проповедях и в сочинениях духовные особы часто указуют на Августина»⁴¹. Таким образом, А. Н. Голицын прямо признал православную апологетику ненужной, тем самым отказывая представителям церкви в праве на защиту основ собственного вероучения.

³⁴ ПСЗ. Т. 26. № 27630.

³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Ед. хр. 460. Л. 42 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ См.: Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб., 2014. С. 113–141.

³⁹ Вишленкова Е. А. Указ. соч. С. 139.

⁴⁰ Цит. по: Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С. 187.

⁴¹ Цит. по: Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894. С. 198.

После этого по настоянию Голицына архимандрит Иннокентий, совершивший серьезный в его глазах проступок, был формально повышен, а фактически отправлен в ссылку — он был назначен епископом в Пензу. Тяжело большой архипастырь скончался вскоре после своего прибытия в епархию⁴². После этого громкого дела «православная оппозиция», опасаясь репрессий, на несколько лет затаилась.

Другой стороной деятельности А. Н. Голицына в рамках «сугобого» министерства было народное просвещение. Объединение в рамках одного ведомства вопросов религиозной и образовательной политики проясняется в манифесте о создании министерства духовных дел и народного просвещения. Согласно этому тексту, министерство было создано затем, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения Государства», а «воспитание юношества» развивалось бы «при благотворном свете божественной веры»⁴³.

Образовательный курс, на воплощение которого в жизнь нацелились мистики, не являлся радикальным отказом от просветительских идей, однако им придавался христианский вектор. Не станем преувеличением сказать, что целью А. Н. Голицына была «евангелизация» образовательного процесса: в 1819 г. практически повсеместно введено чтение Священного Писания для учащихся гимназий и народных училищ⁴⁴.

Между тем, взоры мистиков оказались обращены и на тех людей, чья тотальная неграмотность являлась серьезной помехой на пути христианского просвещения. Поэтому взоры А. Н. Голицына привлекла методика взаимного обучения, разработанная английскими педагогами Э. Беллом и Дж. Ланкастером, которая пользовалась большой популярностью благодаря своей массовости и дешевизне. В 1818 г. по инициативе Голицына был создан Комитет по организации ланкастерских школ, который он сам и возглавил⁴⁵.

Система взаимного обучения по ланкастерской методике встретила энтузиазм среди либералов. Обратим внимание на позицию одного из них, генерал-майора Михаила Федоровича Орлова, который в августе 1819 г. выступил с речью на заседании Киевского отделения Российского Библейского Общества. В этой речи он, сославшись на миссионерский опыт святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, утверждал, что распространение Библии имеет важное цивилизаторское значение, способствует развитию просвещения и распространению научных знаний. Он высказал предложение открыть в Киеве под эгидой Библейского Общества ланкастерскую школу, а со временем — сеть школ взаимного обучения, охватывающую всю территорию страны⁴⁶.

Предложения М. Ф. Орлова были оставлены руководителями Библейского Общества без внимания. Дело в том, что для генерала христианизация являлась в первую очередь вспомогательным средством для достижения действительно важных целей, например, распространения наук и искусств. Для Голицына, напротив, христианизация населения России была основной целью, а просвещение воспринималась как средство. Князь полагал, что нельзя анализировать то, «что выше разума», поскольку там, «где положена преграда Всевышним, ... уже надобно верить»⁴⁷. Поэтому он считал христианскую веру бесконечно выше научного знания. Этим и объясняется тот факт, что если в своей религиозной политике Голицын опирался в первую очередь на либералов, то в образовательной его соратниками были убежденные консерваторы.

Особенно ярко консервативные установки проявились в университетской политике А. Н. Голицына. В 1819 г. А. С. Стурдза по поручению князя составил инструкцию по реорганизации университетского образования. По мнению А. С. Стурдзы, необходимо было создать такую систему, в которой «религия, образование и верноподданность

⁴² О «деле Станевича» см.: Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000.; Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.

⁴³ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Ед. хр. 460. Л. 15.

⁴⁴ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 7.

⁴⁵ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. С. 353.

⁴⁶ См.: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 45–52.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 203. Д. 13. Л. 2.

идут вместе»⁴⁸. Он полагал, что необходимо запретить преподавать «ложные учения о происхождении верховной власти не от Бога»⁴⁹ (т. е. теорию естественного права). План А. С. Стурдзы, таким образом, предполагал «евангелизацию» системы российского высшего образования.

При полной поддержке со стороны А. Н. Голицына в 1819 г. этот проект стал воплощаться на практике. В 1819 г. попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий составил инструкцию, в которой говорилось, что «все то, что не согласно с разумом Священного Писания, есть заблуждение и ложь, и без всякой пощады должно быть отвергаемо»⁵⁰. Магницкий неизменно следовал этим принципам: он провел чистку преподавательского состава Казанского университета и установил в нем очень жесткие порядки. После этих преобразований, как отмечал М. И. Сухомлинов, университет принял вид скорее монастыря, нежели светского образовательного учреждения⁵¹. Чистки преподавательского состава устроил и консервативный масон Д. П. Рунич, назначенный в 1821 г. попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. По его инициативе было начато расследование «крамольной» деятельности профессоров К. И. Арсеньева, П. Д. Лодия, А. И. Галича и Э. Раупаха, закончившееся их увольнением⁵².

Несмотря на то что в глазах А. Н. Голицына его образовательная политика была продолжением политики религиозной, деятельность Магницкого и Рунича привела к противоречиям между либеральными чиновниками департамента духовных дел и консервативными кураторами образования. Так, сотрудник протестантского отделения духовного департамента П. П. фон Геце отмечал контраст между исполненным духа веротерпимости департаментом, в котором работал, и департаментом народного просвещения, управляя которым, князь якобы находился не на «высоте своего положения»⁵³.

Впрочем, большее раздражение, нежели деятельность Магницкого и Рунича, у российской общественности вызвала цензурная политика А. Н. Голицына, которая воспринималась многими деятелями культуры как излишне придирчивая. Страдал от нее и А. С. Пушкин, который написал в одном из своих писем: «Пишу спустя рукава; цензура наша так своенравна, что с нею невозможно измерить круга своего действия. Лучше о ней и не думать»⁵⁴. Не последнюю роль цензурная политика Голицына сыграла в негативно-ироническом отношении к нему великого поэта. В начале 1820-х гг. А. С. Пушкин написал ставшую известной эпиграмму, где министр духовных дел назван «просвещения гонителем»⁵⁵.

Таким образом, к концу 1810-х гг. деятельность А. Н. Голицына встретила отторжение у различных общественно-политических сил, среди которых были и православные консерваторы, и носители либеральных взглядов. Мистико-космополитическая идеология не справилась с задачей сглаживания противоречий между различными общественно-политическими силами.

Впрочем, этот фактор не оказал бы серьезного влияния на Александра I, если бы не события, происходившие за пределами России. На рубеже 1810–1820-х гг. Старый Свет захлестнула революционная волна, затронувшая Испанию, Португалию

⁴⁸ Цит. по: Сухомлинов М. И. Материалы для истории просвещения в царствование императора Александра I. СПб., 1866. С. 210.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Цит. по: Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Под ред. А. Ю. Минакова. Воронеж, 2005. С. 285.

⁵¹ Сухомлинов М. И. Указ. соч. С. 222–223.

⁵² См.: Азизова Е. Н. Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича. Воронеж, 2014.

⁵³ Геце П. П. Указ. соч. С. 83.

⁵⁴ Пушкин и цензура // Типы Пушкина / Под ред. Н. Д. Носкова при сотрудничестве С. И. Поварина. СПб., 1912. С. 300.

⁵⁵ Пушкин А. С. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., 1985. С. 221.

и Пьемонт. Священный Союз не принес в Европу столь чаемое российским монархом успокоение.

В этих условиях политика Александра I, боявшегося революций, становится более охранительной. Некоторые проекты А. Н. Голицына уже не вписывались в новую общественно-политическую ситуацию. Так, в 1822 г. князь вынужден был смириться с закрытием ланкастерских школ, создание которых не без основания сочли потенциальным способом распространения революционных идей⁵⁶.

Более серьезный удар ждал А. Н. Голицына 1 августа 1822 г., когда указом императора в России была запрещена деятельность масонских лож. Эта репрессивная мера стала следствием революционных процессов в Европе, которые виделись Александру I следствием глобального «иллюминатского заговора». А. Н. Голицын был вынужден подчиниться, более того, он всячески стремился отмежеваться от деятельности вольных каменщиков. Так, он писал знаменитому розекрейцеру А. Ф. Лабзину буквально следующее: «Если мне позволить все то, что Вы пишете, ... то я подам повод думать, что я принадлежу к Вашей ложе, а я министр»⁵⁷. Действительно, сведений о членстве Голицына в масонских ложах нет. Однако не секрет, что основу социальной базы мистико-космополитической идеологии составляли масоны. Поэтому в 1822 г. Голицын лишился значительной части своих союзников, в результате чего его политические позиции стали еще более шаткими.

В условиях все более уменьшающейся социальной базы А. Н. Голицын решился на неожиданный шаг — сближение со своими принципиальными противниками из православной оппозиции. Он пошел на установление контактов с одним из ярчайших ее представителей, аскетом и яростным противником европейского мистицизма архимандритом Новгородского Юрьева монастыря Фотием (Спасским). Разница во взглядах не помешала Голицыну начать с ним в мае 1822 г. общение, которое выразилось в частых личных встречах и в оживленной переписке⁵⁸.

Поначалу их общение складывалось для князя вполне успешно. Предметом обсуждения в переписке стали преимущественно вопросы духовной жизни, и князь был откровенен в общении со своим собеседником, сообщая ему о своих переживаниях, как будто ища духовничества. В свою очередь, Фотий обнаруживал высокое мнение о христианских достоинствах министра духовных дел, что нашло отражение в одном из писем 1823 г.: «С А. Н. Голицыным дело верное имей... Я люблю его по сердцу о Христе. Благ он человек»⁵⁹. Однако затем его отношение к князю меняется. Это было обусловлено неудачей попытки Фотия сделать князя своим союзником в борьбе против мистиков. Уже в конце 1823 г. он писал: «Брат наш Александр князь Николаевич Голицын не видит, как слеп, яко глух и нем; ни хладен он, ни тепел!»⁶⁰.

Таким образом, попытка князя Голицына удержаться на тонкой грани между мистиками и православными консерваторами не увенчалась успехом. Представители двух враждующих лагерей были настроены непримиримо, что привело их в 1824 г. к открытому столкновению.

Поводом для начала борьбы «православной оппозиции» стала готовившаяся к изданию книга проживавшего в Санкт-Петербурге германского мистика И.-Е. Госснера «Евангелие от Матфея», которая представляла собой объемный комментарий к одному из Евангелий. В этом произведении содержались многочисленные выпады против «внешней» церкви, которая в ней прямо называется темным, злым началом⁶¹. Отметим, что книга была написана Госснером еще в то время, когда он проживал в Баварии, и его острие направлено против католической церкви. Однако в России

⁵⁶ См.: *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001.

⁵⁷ Письма князя А. Н. Голицына к А. Ф. Лабзину // *Русский архив.* 1911. Кн. 3. С. 486.

⁵⁸ Письма А. Н. Голицына к архимандриту Фотию // *Русская старина.* 1882. Т. 35. № 3. С. 275–296.

⁵⁹ Письмо Фотия к А. А. Павлову 1823 // *Русская старина.* 1882. Т. 35. С. 287.

⁶⁰ Цит. по: *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000. С. 140.

⁶¹ Там же. С. 147.

появился совершенно иной внутривластный контекст, и антиклерикализм Госснера был воспринят как нападки на православие.

Представителям «православной оппозиции» удалось ознакомиться с книгой Госснера до ее выхода в печать: отпечатанные листы похитили из типографии. После этого они развернули активную деятельность. А. С. Шишков, архимандрит Фотий (Спасский) и митрополит Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский) написали несколько посланий, основным адресатом которых был Александр I. В своих текстах архим. Фотий утверждал, что масоны во главе с Р. А. Кошелевым и примкнувшим к ним Голицыным планировали осуществить не только ликвидацию православия, но и ниспровержение монархии⁶². Очевидно, что А. Н. Голицын, будучи убежденным монархистом, никакой революции не готовил. Приведенные выше мысли Фотия интересны для нас в первую очередь как характерный образец конспирологических установок, распространенных в среде «православной оппозиции».

В конце апреля 1824 г., на волне этих событий, состоялся разрыв между А. Н. Голицыным и архимандритом Фотием, который, не дождавшись от министра раскаяния, предал его анафеме, на что у него не имелось никаких канонических прав⁶³. Однако император оставил этот инцидент без последствий, что означало одно — он больше не делал ставку на мистико-космополитическую идеологию. С этих пор стало окончательно ясно, что отставка А. Н. Голицына неминуема. 15 мая 1824 г. она стала реальностью: князь был освобожден от всех своих постов, за исключением должности главы Почтового ведомства.

Министерство духовных дел и народного просвещения было расформировано. На его основе созданы те же ведомства, которые существовали до 1817 г. — министерство народного просвещения (которое возглавил А. С. Шишков), Св. Синод и Главное управление духовных дел иностранных исповеданий⁶⁴. Также А. Н. Голицын покинул пост президента Библейского Общества, а на его место назначен митрополит Серафим (Глаголевский). Библейское Общество было окончательно закрыто в 1826 г. уже новым императором Николаем I⁶⁵.

Несмотря на то что Александр I принес своего друга в жертву политической конъюнктуре, князь продолжал пользоваться монаршим благоволением. Незадолго до отставки император сказал князю: «Я думаю уволить вас от звания министра, упразднить сложное министерство; но принять вашу отставку никогда не соглашусь. Вы останетесь при мне, вернейший друг всего моего семейства...»⁶⁶. Этот статус сохранился у А. Н. Голицына и после смерти Александра Павловича: Николай I, подобно своему старшему брату, благоволил князю. Вплоть до окончательного ухода в отставку в 1842 г. Голицын возглавлял Почтовый департамент. До этого же года он был членом Государственного Совета, а с 1839 по 1841 гг. даже председательствовал на его заседаниях⁶⁷.

Занимаемые А. Н. Голицыным должности были почетными, но не связанными с реальной государственной деятельностью. По сути дела, при дворе Николая I А. Н. Голицын играл ту роль, которую хотел избрать для себя за много лет до того, в начале правления Александра I: находиться при императоре и проводить свое время в кругу его семьи. Никогда не имевший своей семьи, престарелый царедворец воспринимал в качестве таковой императора и его домочадцев.

Доверие императора к А. Н. Голицыну было столь велико, что он даже мирился с религиозными взглядами князя. В 1830-х гг., когда мода на мистицизм и масонские эзотерические штудии осталась в прошлом, князь Голицын демонстрировал

⁶² Там же. С. 149.

⁶³ Там же. С. 154.

⁶⁴ Там же. С. 158.

⁶⁵ См.: *Пытин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000.

⁶⁶ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1904. С. 320.

⁶⁷ См.: РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Д. 124.

стойкую приверженность приобретенной в молодые годы религиозной картине мира. Любопытно, что своими младшими современниками князь Голицын воспринимался как живой носитель духа давно ушедших времен. Так, В. А. Жуковский упоминал в одном из своих частных писем уже после отъезда князя в Крым: «Я бы на его месте (Речь идет об А. И. Тургеневе. — *Е. Н.*) отправился к князю А. Н. Голицыну в Крым, прожил бы с ним полгода, записал бы его рассказы о веке Екатерины, Александра и пр. Умрет он, от кого что-нибудь услышишь?»⁶⁸.

Свое крымское имение Гаспра А. Н. Голицын купил еще в 1820-х гг. Князь долго искал возможность оставить службу и переехать туда жить, однако Николай I не желал его отпускать. И только в мае 1842 г., когда состояние его здоровья ухудшилось, император дал согласие отправить почти полностью ослепшего царедворца в отставку. После этого Голицын сумел осуществить свое давнее желание и поселиться в Крыму. По словам А. С. Стурдзы, «князь Голицын принимал всех с веселым духом и лицом, хвалился приятностию климата; проводил время в назидательных чтениях»⁶⁹. Однако князю не было суждено долго наслаждаться своим уединением: в ноябре 1844 г. он скончался в возрасте семидесяти лет. Князя Голицына похоронили в Георгиевском монастыре в Балаклаве, недалеко от Севастополя. Так, вдали от столицы, закончил свой земной путь один из выдающихся государственных деятелей Российской империи начала XIX века.

Деятельность А. Н. Голицына связана в первую очередь с попыткой навязать российскому обществу идеологию, альтернативную одновременно и секулярным идеологиям Нового Времени, и православному консерватизму, и зарождавшемуся национализму. Мистико-космополитическая идеология создавалась как проект, призванный сгладить социальные противоречия путем приобщения к подлинному, с точки зрения мистиков, христианству. Уже к началу 1820-х гг. был очевиден провал этого утопического проекта. Единственные настоящие союзники князя Голицына — адепты мистического масонства — сильно пострадали после запрета тайных обществ в 1822 г. От этого удара они уже не оправались, и можно констатировать, что к середине 1820-х гг. масонский мистицизм вышел из моды. В дальнейшем, в николаевское царствование, представители образованного российского общества находились под влиянием других идей, в результате чего уже в 1830-х гг. мировоззрение А. Н. Голицына воспринималась как анахронизм.

В дальнейшем деятельность А. Н. Голицына интерпретировалась преимущественно в негативном ключе и либеральными историками, и авторами православного консервативного направления. Благодаря этому фигура не удобного ни для одной из общественно-политических сил князя А. Н. Голицына обретает дополнительный драматизм. В настоящей работе мы попытались уйти от идеологизированных оценок его деятельности и проанализировать ее в спокойном академическом ключе, «без гнева и пристрастия», показав сложный, полный как ошибок, так и подлинных высот Духа, жизненный путь князя Голицына.

⁶⁸ Цит. по: Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб, 2014. С. 271.

⁶⁹ Стурдза А. С. День памяти вельможи-христианина кн. А. Н. Голицына. Одесса, 1845. С. 14.

Источники и литература

1. Азизова Е. Н. Общественно-политическая деятельность Д. П. Руничя. — Воронеж : Изд-во Истоки, 2014. — 163 с.
2. Благовидов Ф. В. Обер-прокуроры Св. Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. — Казань : Тип. Казан. ун-та, 1898. — 68 с.
3. Вигель Ф. Ф. Записки. Том первый / редакция и вступ. ст. С. Я. Штрайха. М., 1928.
4. Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2002. — 439 с.
5. Геце П. П. фон. Из записок Петра Петровича фон Геце «Князь Голицын и его время» // Русский архив. — 1902. — Кн. 3.
6. Голицын А. Н. Воспоминания : Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. — 1886. — Кн. 2. — № 3. — С. 369–281.
7. Голицын А. Н. Письма к различным лицам // Русский архив. — 1905. — Кн. 3. — С. 361–372.
8. Голицын А. Н. Проект об учреждении Санкт-Петербургского Библейского Общества. СПб., 1812.
9. Голицын Н. С. Загробные записки князя Н. С. Голицына из сказаний дяди его, Александра Николаевича // Русский Архив. — 1905. — № 12. — С. 78–86.
10. Гермоген (Добронравин), еп. Российское Библейское Общество. СПб., 1869.
11. Грелль де Мобийе Э. Записки квакера о пребывании в России (1818–1819 гг.) // Русская старина. — 1874. — Т. 9. — № 1. — С. 1–36.
12. Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты. Е. Ф. Татаринова и А. П. Дубовицкий // Русская Старина. — 1895. — №№ 10, 11, 12; 1896. — №№ 1, 2.
13. Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000.
14. Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб. : Рос. нац. б-ка, 2003. — 360 с.
15. Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб. : ЭлекСис, 2014. — 284 с.
16. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. — Киев, 2004.
17. Майофис М. Л. Воззвание к Европе : Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. — М. : Новое лит. обозрение, 2008. — 600 с.
18. Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Под ред. А. Ю. Минакова. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2005. — С. 285.
19. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2011. — 560 с.
20. Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. — М., 1963.
21. Письма А. Н. Голицына к архимандриту Фотию // Русская старина. — 1882. — Т. 35. — № 3. — С. 275–296.
22. Письма князя А. Н. Голицына к А. Ф. Лабзину // Русский архив. — 1911. — Кн. 3. 23. Письмо Фотия к А. А. Павлову 1823 // Русская старина. — 1882. — Т. 35. — С. 287.
23. Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. В 4 т. Т. 4. — СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1904. — С. 320.
24. Пушкин А. С. Собрание сочинений в трех томах. — М. : Худ. лит-ра, 1985.
25. Пушкин и цензура // Типы Пушкина / Под ред. Н. Д. Носкова при сотрудничестве С. И. Поварнина. — СПб. : Изд-во «Словарь лит. типов». — 1912. — Т. 1.
26. Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001.
27. Пытин А. Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000.
28. Стеллецкий Н. С. Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев, 1900.
29. Стурдза А. С. День памяти вельможи-христианина кн. А. Н. Голицына. — Одесса : Гор. тип., 1845.

30. Стурдза А. С. О судьбе православной церкви русской в царствование Императора Александра I // Русская старина. — 1876. — Т. 15. — № 2. — С. 266–288.
31. Сухомлинов М. И. Материалы для истории просвещения в царствование императора Александра I. — СПб. : Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. — 229 с.
32. Трактат Братского христианского союза // Полн. собр. законов Росс. Имп. В 45 т. Т. 33. — СПб., 1830.
33. Фаджионатто Р. Александр Николаевич Голицын // Против течения: исторические портреты русских консерваторов / Под ред. А. Ю. Минакова. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. — 2005. — С. 218–266.
34. Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. — 347 с.
35. Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. — СПб. : Синодальная тип., 1894. — С. 167.
36. Юнг-Штиллинг И. Г. Победная повесть, или Торжество веры христианской. — СПб. : Морская тип., 1815. — 432 с.

Evgeny Nazarenko. Mystical Conservatism: Describing the Worldview of Prince A. N. Golitsyn.

The article is devoted to an outstanding statesman of the early 19th century, Prince Alexander Nikolayevich Golitsyn (1773–1844). The activities A. Golitsyn are characterized by his desire to implement a program, the ideological origins of which were rooted in Rosicrucianism and Western European mystical and eschatological doctrines. Particular attention is paid in this article to the analysis of religious views of A. Golitsyn. Based on concrete examples of the prince's activities in the institutions that he headed (Holy Synod, Russian Bible Society, Ministry of Spiritual Affairs and National Education), Golitsyn's religious and philosophical program was reflected in his practical activities. The analysis shows how government mysticism was associated with different areas of socio-political thought, both liberal and conservative, on the basis of which Golitsyn tried to create a national consensus. Separately, the reasons why the mystic-cosmopolitan ideology was not realized in practice are analyzed; in practice, A. Golitsyn turned against himself both liberal enlighteners and Orthodox conservatives.

Keywords: Aleksandr Golitsyn, Alexander I, mysticism, mystical cosmopolitan ideology, Ecumenism, Orthodoxy, conservatism, liberalism, freemasonry, Russian Bible Society, Ministry of Religious Affairs and Public Education.

Evgeny Yurievich Nazarenko — Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at the Voronezh Regional Museum (enazarenko.vrn@mail.ru).